

18+

КОД ДРЕВНЕЙ КРОВИ:

Автор Этерия

ИСКУПЛЕНИЕ

"КРОВЬ СТЮАРТОВ"

Этерия

**Код древней крови:
Искупление «Кровь Стюартов»**

«Издательские решения»

Этерия

Код древней крови: Искупление «Кровь Стюартов» / Этерия —
«Издательские решения»,

Второй роман входящий в серию «Код древней крови» — любовно-мистический цикл о родовых тайнах, проклятиях, артефактах и любви, проходящей через испытания. Молодой лэрд Уильям Маккензи оказывается на краю гибели, судьба сводит его с Элис Стюарт. Их история любви начинается среди тайн, старых ран, в которых спасение, долг и любовь переплетаются с жестоким прошлым. Борьба за правду втягивает героев на опасный путь, где каждое решение имеет цену.

© Этерия

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Лесная ловушка	8
Глава 2. В логове разбойников	10
Глава 3. Побег из каменного плена	12
Глава 4. Кровь выкупа	14
Глава 5. Тянущая ловушка	17
Глава 6. Охотница	19
Глава 7. Под дождем и туманом	21
Глава 8. Ночь на грани	23
Глава 9. Кровь на болоте	28
Глава 10. Гнев лэрда	30
Глава 11. Следы на ветру	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Код древней крови: Искупление «Кровь Стюартов»

Этерия

© Этерия, 2026

ISBN 978-5-0070-2816-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Ночь накрыла Шотландские хайленды, как саван. Лес стонал под порывами ветра, густой туман клубился между чёрных сосен, цепляясь за корни, будто призрачные пальцы. Вдали были волки, их хриплый хор сливался с уханьем совы — предвестницы беды. Дикие крики зверей эхом разносились в темноте, обещая смерть любому, кто осмелится ступить в чашу.

Из тени охотничьего домика — массивного строения из тёмного камня с высокой дымовой трубой и тяжёлыми дубовыми дверями — выскользнул дрожащий силуэт. Окна с витражами тускло блестели, а резные карнизы выдавали мастерство строителей. Это был дом знати, спрятанный в чаще для тайных утех и охоты.

Девушка вырвалась в ночь. Ей было всего двадцать пять — юная красавица, но сейчас она выглядела сломленной. Её пышная причёска, обычно уложенная в изысканную башню с жемчугом, растрепалась в дикую копну. Пряди липли к мокрому от слёз лицу, цепляясь за окровавленные плечи. Нежно-сиреневое платье из тончайшего шёлка и кружева, стоившее целое состояние, было разорвано у груди, обнажая бледную кожу с синяками. Один рукав болтался на тонкой полоске ткани, обнажая тонкую руку.

Зелёные глаза покраснели от слёз, полны ужаса и отчаяния. Губа разбита, кровь солёным ручьём текла по подбородку. Вокруг шеи алел свежий след — ссадина от грубо сорванной серебряной цепочки с рубиновым кулоном — древним артефактом, символом силы и богатства.

Она бросилась в лес, в кромешную тьму, не оглядываясь. Звуки погони — грубый хохот мужчин, топот сапог — гнали её вперёд. Босиком, нежные ступни рвались о камни и сучья, оставляя кровавый след. Ветки хлестали по лицу, колючие кустарники цеплялись за платье, обрывая клочья шёлка, рвали золотистые волосы, но она мчалась дальше, всхлипывая: *«Только подальше!»*

Сердце колотилось, лёгкие горели. Ноги подкашивались, но страх гнал вперёд. Внезапно — *хлюп!* — она наступила на что-то мягкое, обманчиво пушистое. Земля предательски провалилась. Мерзкая жижа болота сомкнулась вокруг лодыжек, холодная, липкая, как пасть чудовища. Она вскрикнула, замахала руками: *«Нет! Господи, нет!»* Лёгкие заполнил смрад гнили веков, пузыри лопались у лица.

Трясина тянула её вниз — по колени, по бёдра, по талию. Золотистые волосы намокли, прилипли к лицу, платье пропиталось чёрной водой. Она извивалась в агонии, пальцы скребли мох, но он рвался клочьями. Зелёные глаза расширились в последнем ужасе. Туман сомкнулся над головой, булькнула жижа — и красавица исчезла в объятиях болота...

Глава 1. Лесная ловушка

Скрип колес, мерное покачивание, и воздух, напоенный ароматом влажной земли, хвои и далекого дыма — так проходил путь молодого лэрда Уильяма Маккензи к его родовому замку.

Карету уверенно вел кучер Дугалд — крепкий шестидесятилетний шотландец с седой бородой, заплетенной в косы, и лицом, изборожденным морщинами от десятилетий на ветру хайлендов. Позади кареты, на боевых конях, гарцевали трое верных спутников Уильяма:

Рори — молодой, двадцатилетний лучник с огненно-рыжими волосами, собранными в хвост, и веснушчатым лицом, полным юношеского задора.

Хэммиш — могучий тридцатипятилетний мечник, почти лысый, с татуировкой вепра на бычьей шее и шрамом через бровь.

Броди — худощавый разведчик за тридцать, с острым лицом лисицы и шрамом на щеке, ловко орудующий парой кинжалов.

Каждый поворот лесной дороги открывал взору Уильяма картину, от которой замирало сердце. Ему было всего двадцать пять, но в его ярко-зеленых глазах уже читалась решимость и мудрость, не свойственная юности. Темно-каштановые, непокорные волосы, волнистые и ниспадающие до плеч, отражали бунтарский дух, который не желал быть скованным никакими условностями. Легкая щетина, обрамляющая квадратную челюсть, и прямой, уверенный взгляд придавали ему вид человека, привыкшего принимать решения и нести за них ответственность.

Его загорелая, закаленная ветрами и солнцем кожа говорила о страсти к охоте и долгим дням, проведенным на лоне природы. Мускулистое тело, облаченное в традиционный темно-зеленый килт с черным тартаном, и простая, но добротная белая рубаша, поверх которой был накинута кожаный жакет, подчеркивали его силу и благородство. На левой руке, на безымянном пальце, тускло поблескивало фамильное кольцо с зеленым ониксом — символ его рода, его власти и его долга.

Карета, украшенная гербом клана Маккензи — могучим оленем, вставшим на дыбы, — плавно двигалась по извилистой лесной дороге. Солнечные лучи, пробиваясь сквозь густую крону вековых дубов и сосен, рисовали на земле причудливые узоры. Воздух был свеж и прохладен, наполненный пением птиц и шелестом листвы. Вдруг впереди — огромный ствол поваленного дуба лежал поперек дороги, ветви запутались в колёсах.

«Дугалд, осторожно!» — крикнул Уильям, хватаясь за дверцу.

Кучер натянул вожжи, лошади заржали. Всадники подъехали ближе. «Я разберу!» — Хэммиш спрыгнул первым, хватая топор. Рори и Броди спешили следом, обнажая оружие.

Едва они приблизились к дереву, как лес взорвался криками. Из-за стволов высыпали разбойники — около дюжины оборванцев с ржавыми мечами, топорами и мушкетами. Их главарь — Гарри Кривой Нос с густой бородой и пустым взглядом — заорал: «Бери их!»

Бой вспыхнул молниеносно. Хэммиш встретил первого разбойника ударом топора — череп треснул с хрустом. Рори выстрелил из лука — стрела вошла в горло врагу. Броди кружил, как вихрь, кинжалы мелькали, оставляя кровавые полосы. Дугалд, спрыгнув с козел, отбивался кнутом от двоих.

Уильям выскочил из кареты, меч сверкнул в руке. «За Маккензи!» — его клинок рассёк плечо нападавшему. Но численный перевес был сокрушительным. Рори упал первым — мушкетный выстрел в грудь. Хэммиш зарубил троих, но топор сзади раскрыл ему спину. Броди бился до последнего, но кинжал в горло оборвал его жизнь.

Уильям ранил двоих, но Гарри Кривой Нос ударил сзади по затылку. Мир померк.

Когда лэрд очнулся, его руки были связаны. Тела верных спутников лежали в лужах крови. Дугалд, раненый в плечо, стонал на земле.

«Этот кучер сгодится для дела,» — хохотнул главарь. Он пнул Дугалда: «Слушай, старик! Скажешь лэрду Мелколму Маккензи: за сына — 10 000 серебряных монет. Положит в разлом старого дуба у Трёх Вересковых Холмов через семь дней. Без фокусов!»

Разбойники отстегнули одну лошадь из упряжки, без седла посадили корчившегося от боли Дугалда и погнали к дороге. Карету разграбили, забрав золото, оружие, даже фамильные кубки. Уильяма грубо подхватили и повели вглубь леса.

Солнце клонилось к закату, тени удлинялись. Уильям молчал, но в ярко-зелёных глазах пылал огонь. Его люди погибли, но Маккензи не сдаётся.

Глава 2. В логове разбойников

Разбойники, как стая голодных волков, тащили Уильяма через густой подлесок, их грубые руки сжимали его плечи, а смех, полный злорадства, эхом разносился по лесу. Уильям, несмотря на боль и унижение, старался запомнить каждый поворот, каждый ориентир, который мог бы помочь ему в будущем.

Наконец, они вышли на небольшую поляну, где среди скал и густых зарослей виднелся вход в пещеру. Это было их логово, мрачное и неприветливое, как и сами его обитатели. Разбойники бросили Уильяма на сырую землю, а затем один из них, с кривым носом, подошел к нему, держа в руке грубый мешок.

«Теперь ты наш, лэрд», — прохрипел он, его глаза блестели в полумраке. «Твой клан заплатит за тебя. И чем дольше они будут тянуть, тем хуже будет тебе».

Уильям молча смотрел на него, его взгляд был полон вызова. Он знал, что сейчас он бессилен, но это лишь подогревало его решимость. Он был Маккензи, и не собирался сдаваться без боя.

Разбойники оставили его одного в пещере, лишь грубо завалив вход камнями. Уильям остался в темноте, слушая, как за стенами пещеры звучат голоса его похитителей. Он чувствовал холод сырой земли под собой, запах плесени и гнили. Но даже в этой крошечной тьме, в его сердце горел огонь. Огонь мести.

Уильям начал осматриваться, пытаясь разглядеть хоть что-то в темноте. Его пальцы нащупали шершавую поверхность камня, затем — что-то более гладкое. Это был кусок дерева, обломок ветки, который, возможно, когда-то был частью оружия. Уильям схватил его, чувствуя, что в руке хоть какое-то подобие оружия.

Он провел в пещере несколько часов, которые казались вечностью. Юноша слышал, как разбойники пили, смеялись и спорили. Он пытался уловить обрывки их разговоров, надеясь узнать что-то, что могло бы ему помочь. Но их речь была грубой и неразборчивой, полной угроз и бравადы.

Когда рассвело, и первые лучи солнца пробились сквозь щели в камнях, Уильям почувствовал, как его тело начинает оживать. Боль в голове утихла, а в мышцах появилась новая сила. Он встал, опираясь на свою импровизированную дубинку, и подойдя к завалу, начал осторожно отодвигать камни, пытаясь найти выход.

В этот момент послышались шаги. Разбойники возвращались. Уильям быстро спрятался за одним из больших камней, держа свою дубинку наготове.

«Ну что, наш пленник еще жив?» — спросил голос с кривым носом.

«Жив, жив», — ответил другой. «Но скоро ему придется пожалеть, что он родился».

Они вошли в пещеру, и Уильям увидел их в свете дня. Их лица были еще более грубыми и жестокими, чем он помнил. Но теперь он видел их не как непобедимых врагов, а как обычных бандитов, которые совершают преступления из-за наживы.

Когда один из разбойников подошел ближе, Уильям выскочил из своего укрытия. Он ударил его дубинкой по ноге, заставив того вскрикнуть от боли. Затем он бросился на другого, пытаясь выбить оружие из его рук.

Завязалась короткая, но ожесточенная схватка. Уильям, несмотря на свою растерянность и отсутствие настоящего оружия, сражался с яростью загнанного зверя. Он использовал все свои навыки, полученные на охоте и фехтовании, чтобы противостоять своим противникам. Уильям чувствовал, как адреналин бурлит в его крови, придавая ему силы.

Юноше удалось ранить еще одного разбойника, но их было слишком много. Один из них, самый крупный, схватил его сзади, и Уильям почувствовал, как его тело напряглось от неожиданного захвата. Он пытался вырваться, но грубые руки держали его крепко.

«Хватит, юнец!» — прорычал разбойник, его голос был полон злобы. «Ты думал, что сможешь сбежать? Глупец!»

Уильяма ударили по голове, и мир снова померк. Когда он очнулся, лежа на земле, над ним склонялись лица его похитителей. Они были измотаны, но их глаза горели злорадством.

«Ну что, лэрд?» — усмехнулся тот, что с кривым носом, вытирая пот со лба. «Теперь ты понял, что с нами шутки плохи? Твой клан заплатит за тебя. И мы будем ждать».

Разбойники снова связали его, на этот раз еще крепче, и оставили в пещере, завалив вход камнями. Уильям лежал в темноте, чувствуя боль во всем теле и жгучую обиду. Но в его сердце, несмотря на все, горел огонь. Огонь надежды. Он, Уильям Маккензи, найдет способ выбраться из этой ловушки и отомстить.

Глава 3. Побег из каменного плена

Прошли дни. Уильям не знал, сколько именно, но солнце поднималось и опускалось, а он оставался в плену. Разбойники приносили ему скудную пищу и воду, их взгляды были полны презрения и алчности. Они часто говорили о выкупе, о том, сколько золота и драгоценностей готов заплатить клан за его жизнь. Уильям слушал их, стараясь запомнить каждую деталь, каждый намек на их планы. Он знал, что время играет против него, но он также знал, что его отец не будет бездействовать.

Однажды, когда разбойники были особенно пьяны и шумны, Уильям услышал, как они обсуждают свой следующий набег, собираясь напасть на небольшую деревню неподалеку, чтобы пополнить свои запасы. Это был его шанс.

Он начал осторожно расшатывать веревки, которыми были связаны его руки, стараясь перетереть их о грубые камни. Кожа натиралась до крови, но юноша не останавливался. Он знал, что должен быть терпелив.

Наконец, когда разбойники ушли, оставив его с одним разбойником, чтобы тот охранял пленника, Уильям почувствовал, как веревки ослабли. Он с усилием высвободил одну руку, затем другую.

Охранник, опиравшись о ствол дерева, дремал пьяный недалеко от входа.

Его храп был похож на скрежет камней. Уильям тихо поднялся, его ноги дрожали от долгого сидения. Он подошел к завалу. Камни были тяжелыми, но не настолько, чтобы их нельзя было сдвинуть. С невероятным усилием, напрягая все силы, Уильям начал отодвигать камни, один за другим. Воздух, свежий и прохладный, хлынул в пещеру, принося с собой запахи хвои и влажной земли.

Уильям Маккензи, стиснув зубы, отодвинул последний камень, преграждавший выход. Кровь с натёртых запястий капала на сырую землю, но руки, наконец, были свободны. Пьяный храп разбойника у костра звучал как самая прекрасная музыка — его единственный шанс. Он выскользнул в ночь, пригнувшись, сердце колотилось в унисон с шорохами пробуждающегося леса.

Лес встретил его густой, непроглядной тьмой, пропитанной терпким запахом хвои и сырости. Уильям рванул к опушке, откуда, по памяти, его притащили сюда — туда, где должна была быть дорога. Ветки хлестали по лицу, корни цеплялись за ноги в килте, но он бежал, жадно глотая холодный воздух. Ноги гудели от долгих дней в плену, но решимость жгла ярче любой боли. «Домой, к отцу!», — повторял он про себя, словно заклинание.

Вдруг — треск позади. Пьяный разбойник, протрезвев от шума камней, вырвался из дремоты. «Пленник! Бежит!» — его хриплый рёв разорвал ночную тишину. Уильям не оглянулся, нырнул в густые кусты. Выстрел! Грохот мушкета эхом прокатился по лесу, дробь чиркнула по коре сосны слева, осыпав лицо щепками.

Разбойник, матерясь, принялся перезаряжать оружие — рогатка с порохом дрожала в его руках. Второй выстрел ушёл в молоко, третий, рикошетом от ствола, просвистел мимо. «Стой, ублюдок!» — орал он, ломясь следом, топор и сабля звенели на поясе. Уильям вилял между деревьями, как загнанный олень, дыхание рвалось из груди. Ещё выстрел — и жгучая боль пронзила правое бедро. Дробь вошла глубоко, кровь хлынула по ноге, пропитывая килт. Нога подкосилась, но он заставил себя бежать дальше, стиснув зубы. «Не остановлюсь... Маккензи не сломать».

Преследователь отстал — пьянка брала своё, лес был слишком густым, а раненый лэрд упорно вилял. «Чёрт с тобой, сдохнешь в болотах!» — выругался разбойник, прекращая погоню. Его тяжёлое дыхание затихло вдали.

Глава 4. Кровь выкупа

Кровь, горячая и густая, пропитала грубую ткань рубахи, заливая плечо Дугалда алым пятном. Но он не чувствовал боли, лишь жгучее отчаяние гнало его вперед. Почти лежа на голой спине взмыленного коня, он мчался сквозь сердце Шотландских Хайлендов, которые в этот предвечерний час предстали во всей своей первозданной, дикой красоте. Бескрайние вересковые пустоши, усыпанные фиолетовыми цветами, сменялись суровыми, угрюмыми гранитными холмами, чьи вершины терялись в низких облаках. Серебристые ручьи, как нити жидкого света, мерцали под последними, прощальными лучами заходящего солнца, а вдали, чисто призраки минувших эпох, маячили руины древних пиктских камней, хранящие тайны веков. Вечернее небо пылало неистовым золотом, переходящим в багрянец, но для Дугалда каждый вдох был мукой, каждый удар сердца отдавался пульсирующей болью в ране.

Наконец, на вершине холма, будто бы выросшее из самой земли, показалось поместье Маккензи. Массивный каменный замок, с его суровыми стенами и зубчатыми башнями, казался неприступной крепостью, окруженной глубоким рвом, через который перекинулся единственный подъемный мост. Двор кипел жизнью, как муравейник. Слуги, с лицами, покрытыми угольной пылью, таскали тяжелые мешки с рудой, добытой из недр серебряных шахт, что питались богатством этих земель. Конюхи, ловко орудуя щетками, ухаживали за породистыми скакунами, чьи гривы развевались на ветру, а женщины, с корзинами, полными золотистого ячменя, спешили в амбары. Над черепичными крышами вился дым из десяти труб, свидетельствуя о сытости и благополучии, а на самой высокой башне гордо развевался вымпел с изображением оленя — герба могучего клана Маккензи.

Дугалд влетел во двор, как вихрь, едва держась. Его верный конь, измученный долгим переходом, остановился, тяжело дыша, его бока вздымались, а ноздри раздувались. Слуги, застывшие на мгновение, ахнули, увидев окровавленного путника: «Дугалд! Что случилось?!» Двое крепких конюхов, не мешкая, подхватили старика, когда он, потеряв последние силы, соскользнул с коня, его ноги подкосились. На коленях, истекая кровью, он пополз к массивным дверям главного дома, оставляя за собой кровавый след на утопанной земле.

Двери распахнулись с грохотом. Лэрд Мелколм Маккензи, сорокавосемилетний колосс, чье лицо было подобно спелому яблоку — жирное, краснощекое, с двумя подбородками, нависающими над шеей, — вывалился наружу. Его роскошный бархатный камзол цвета спелой сливы, растянутый на необъятном животе, был украшен золотыми пуговицами. Шёлковые бриджи, обтянутые тесьмой, впивались в толстые ляжки, как вторая кожа, чулки сползли до колен, обнажая бледную кожу, а красные туфли с пряжками, утопали в грязи двора. Редкие седые волосы, некогда гордость его молодости, теперь жалко прятались под съезжающим париком, а маленькие, бегающие глазки, обычно полные хитрости и жадности, налились кровью от гнева и удивления. Желтые зубы и винное дыхание, исходящее из его рта. «Что за чертовщина?!» — прогремел он, сжимая в руке кубок с вином, будто это было оружие.

«Лэрд... разбойники... Уильям... в плену!» — прохрипел Дугалд, его голос был подобен скрипу старого дерева. Превозмогая невыносимую боль, он выдавил из себя последние слова, падая лицом в грязь, как поверженный воин: «Дуб у Трёх Вересковых Холмов... десять тысяч серебряных... семь дней... иначе убьют!»

Мелколм побагровел, его лицо стало пунцовым. Кубок с виски, символ его власти и наслаждений, полетел в стену, разбившись на мелкие осколки, отражая его гнев. «В плен?! Моего сына?!» — взревел он, подобно раненому медведю, чье логово было осквернено. Набрасываясь на кучера, который, казалось, был единственным, кто мог выдержать его ярость, он пнул его в раненое плечо, не обращая внимания на стоны: «Ты должен был сдохнуть там, старый пес, но не допустить пленения лэрда! Будь ты проклят!»

Дугалд застонал, но Мелколм уже орал дальше, его голос, усиленный яростью, разносился по всему двору: «Финлей!» Из тени, будто призрак, вышел управляющий Финлей — сухопарый пятидесятилетний шотландец с крючковатым носом, в строгом, темном камзоле и с пером, засунутым за ухо, как знак его грамотности. Глаза-щелки, обычно внимательные и расчетливые, теперь были полны решимости, а седые волосы, собранные в тугой хвост, подчеркивали его суровость. Трость в его руке, обычно служившей опорой, теперь казалась оружием. «Собери отряд — пятнадцать мечей, десять мушкетов! Следопыта лучшего — Донаха! Свору псов с цепи! В лес — искать следы этой шайки!»

Финлей, не дрогнув, поклонился: «Слушаюсь, милорд.»

«Освободить Уильяма! Разбойников — всех к праотцам! Головы на колья у того дуба! Десять тысячч? Ха! Я их сам утоплю в серебре!» — рычал Мелколм, брызгая слюной, его слова были полны обещаний мести и жестокости.

Двор взорвался суетой. Кузнецы, как дьяволы из преисподней, раздували горны, их молоты застучали по раскаленному металлу, выправляя оружие для мести. Слуги таскали кольчуги, блестящие в тусклом свете, а конюхи, с ловкостью цирковых акробатов, седлали боевых коней, чьи глаза горели нетерпением. Следопыт Доннах — жилистый ирландец с бородавкой на носу, подобно метки судьбы, — свистнул свору: пятнадцать злющих догов, чья шерсть встала дыбом, а клыки блестели в предвкушении битвы. Отряд — пятнадцать здоровяков в кожаных доспехах, с мечами, свисающими с поясов, и мушкетами, готовыми к выстрелу, — выстроился у ворот, подобно стене из стали и решимости. Финлей махнул рукой, его голос был тверд и решителен: «За Маккензи!»

Под рёв труб, боевой клич, и лай собак, отряд вырвался на лесную дорогу, копыта загрохотали по камням, как барабанный бой, возвещающий о начале погони. Мелколм остался на крыльце, сжимая кулаки, его лицо было искажено гневом и тревогой. Винное дыхание смешалось с клятвой, вырвавшейся из его груди: «Верните моего сына... или сгниёте все!»

Глава 5. Тянущая ловушка

Уильям спотыкался, мир плыл перед глазами. Кровь из бедра текла ручьём, каждый шаг отдавался огнём. Он сбился с пути — лес стал ещё гуще, земля под ногами сменилась мягким, податливым мхом. «Дорога... где дорога?» — мысли путались, силы таяли. Вдруг — хлоп! Нога провалилась по колено в зелёный ковёр. Трясина. Сердце ухнуло: это было настоящее болото, скрытое под обманчивым мхом, — коварная ловушка шотландских лесов.

Уильям замер, инстинкт подсказывал: не дёргаться резко. Медленно, осторожно он потянул ногу назад. Тина чмокнула, выпустила — но вторая нога ушла по самую лодыжку. «Спокойно... опирайся на ветки», — прошептал он себе, хватаясь за ближайшую осину. Руки дрожали, кровь из раны смешалась с грязью. Он лёг на живот, распластался, пытаясь распределить вес — старый охотничий трюк. Локти вперёд, тянись к твёрдой земле.

Тина сомкнулась вокруг бёдер, холодная, как могила. Она жадно тянула вниз, пузыри лопались у лица, выпуская метановый смрад гнили и смерти. Уильям извивался, как змея, толкаясь локтями, но каждый рывок только глубже засасывал. «Нет... не здесь...» — зубы стучали от холода и ужаса. Вода — чёрная, как чернила, — подступила к груди. Он чувствовал, как трясина лижет рёбра, давит на лёгкие, словно гигантская пасть. Ветки ускользали из окровавленных пальцев.

Силы уходили с кровью. Бедро пульсировало, мир кружился в багровом тумане. Он погрузился по плечи — вонь гнили забивала ноздри, волосы намокли, прилипли к лицу. «Отец... клан... простите», — мысленно простился Уильям, ярко-зелёные глаза закрылись. Последний вдох — и трясина сомкнулась над подбородком, булькая, как предсмертный хрип. *Per terram et sanguinem* — через землю и кровь, — мелькнуло в бреду древнее эхо рода. Мир потух.

Но в этот момент, когда сознание уже готово было ускользнуть, что-то изменилось. Неведомая сила, унаследованная от предков, пробудилась в нём. Он почувствовал, как в глубине его существа загорелся последний уголёк воли. Уильям открыл глаза. Вокруг него, в этой чёрной, вязкой бездне, он начал слышать звуки, которые раньше заглушала паника. Тихое, мерное хлоппанье воды, будто кто-то медленно перекачивал камни под водой. Шелест, похожий на шёпот, исходил от болотных трав, колышущихся от невидимого движения. А где-то вдалеке, едва различимый, раздавался странный, протяжный звук, похожий на стон — то ли ветер, то ли что-то иное, обитающее в этих топах.

Уильям почувствовал, как его тело, казалось бы, уже подчинившееся смерти, начало сопротивляться. Он не мог двигаться, но мог думать. Юноша вспомнил рассказы старых охотников о том, как выбираться из трясины: не бороться, а использовать её, начиная медленно, почти незаметно, шевелить пальцами ног, пытаясь найти хоть какую-то опору под илом. Каждый миллиметр движения давался с невероятным трудом, но он продолжал, чувствуя, как грязь обволакивает его, казалось, что живое существо, пытается его поглотить. Холод проникал в кости, но Уильям уже не чувствовал его так остро, как раньше. Его внимание было сосредоточено на одном — на выживании.

Используя своё тело как рычаг, медленно, очень медленно, он переносил вес, с одной стороны, на другую, пытаясь найти точку опоры. Юноша чувствовал, как тина сопротивляется, как она пытается удержать его, но он был упрям, как сам этот шотландский край, вспоминая, как его отец учил его терпению, как важно не сдаваться, даже когда всё кажется потерянным. Эти слова, эти уроки, теперь стали его единственным оружием.

Окровавленная рука Уильяма вырвалась из вязкой трясины, нащупав что-то твердое. Это была ветка, но не та, что ускользнула прежде. Эта, с треском, рухнула рядом — толстая, узло-

ватая, словно сама судьба протянула свою длань. Ветка вспорола мох всего в пяди от его лица, покачиваясь на поверхности тины.

«Хватайся за ветку...» — донесся издалека едва слышный голос, подобный ветру в камышах. Голос был женский, властный, пробивающийся сквозь туман. Уильям рванулся вперед инстинктивно. Игнорируя жгучую боль, с невероятным усилием он ухватился за спасительную ветку. Трясина продолжала тянуть его вниз, но теперь появился шанс.

Пальцы впились в кору, ногти вгрызлись в дерево. «Живу!» — вспыхнула воля к жизни. Ветка дернулась — сильная тяга пошла с берега. Юноша держался, мышцы рвались, бедро полыхало огнем.

Наконец, твердая земля под спиной. Уильям жадно глотнул воздух, закашлявшись от грязи. Сквозь багровую пелену боли и тумана мелькнул силуэт: прекрасная девушка в мужском охотничьем костюме — кожаные штаны, высокие сапоги, куртка с капюшоном. Густые, волнистые черные волосы до пояса были заплетены в тугую косу, перекинутую через плечо. За спиной виднелись лук и колчан стрел, на поясе — нож. Бледное лицо с острыми скулами обрамляли темные, как болотная ночь, глаза.

Она держала конец толстой веревки, привязанной к стволу сосны. Другой конец был закреплен на седле ее верного коня. Гнедой жеребец, мощный, с коричневым окрасом туловища, черные, как ночь грива, хвост и нижняя часть ног, стоял неподвижно, мускулы напряжены. Его грива развевалась, как знамя, копыта упирались в корни — настоящий шотландский хайлендер, верный, как дух леса.

«Держись, highlander (горец)...» — прошептала она по-гэльски, голос мягкий, но твердый. Уильям попытался ответить, но мир закружился. Кровь из бедра хлестала, силы иссякли. Он рухнул, теряя сознание.

Глава 6. Охотница

Девушка действовала быстро. Солнце еще не взошло, но луна освещала берег. Она развела костер — сухие ветки вспыхнули, отгоняя сырость. «Духи болота, спасибо за шепот», — прошептала она, кланяясь трясине. Ее ловкие от охоты руки собрали травы: белокудренник для остановки крови, зверобой против инфекции, болотный ирис для снятия лихорадки. В котелке над огнем закипел отвар — ароматный, с дымком магии.

Уильям лежал без сознания, бледный, как призрак. Охотница разрезала килт у бедра ножом: рана была страшной — мушкетная рана с дробью разорвала мышцы. Кровь все еще сочилась. «Per aquam et rersata — через воду и грехи», — прошептала она древнее заклинание своего рода, смывая грязь отваром. Дробь, свинцовые шарики, сияли в ране. Элис, так звали девушку, аккуратно, ножом, вытащила дробины по одной. Уильям застонал, но не очнулся.

Рана была чистой. Она нанесла мазь — густую зеленую от трав — и забинтовала чистой тканью из своей сумки, пропитанной эликсиром. Другие ссадины — на руках, голове — обработала так же. «Живи, highlander (горец)», — девушка приподняла голову Уильяма и по каплям влила ему отвар.

Костер потрескивал, конь фыркал у воды. Элис сидела рядом, охраняя сон раненого. Болотный туман клубился, духи шептали одобрительно. Она понимала: его нельзя везти далеко — кровь еще сочилась. Сутки у костра — и если выживет, то в замок к отцу.

Девушка взглянула на небо, где первые лучи солнца пробивались сквозь пелену тумана. Она принесла воды из ручья, чтобы напоить коня, и снова вернулась к костру, чтобы подбросить дров. Тепло огня должно было помочь раненому.

Элис достала из сумки небольшой мешочек с сушеными ягодами и травами. Это был ее личный запас, который она всегда носила с собой. Она размяла их в ладонях, вдыхая терпкий аромат, и приготовилась к следующему этапу ухода за раненым. Ее руки, привыкшие к работе с луком и ножом, теперь с нежностью и заботой касались бледной кожи Уильяма.

Она знала, что его рана серьезна. Мушкетное ранение дробью — это не шутки. Но она также знала силу трав и древних заклинаний своего рода. Ее предки веками жили в этих землях, черпая силу из природы и духов. И она верила, что эта сила поможет Уильяму выжить.

Элис поднялась, чтобы размять затекшие ноги, от долгого сидения у костра. Она огляделась, убедившись, что вокруг нет никакой опасности. Ее конь, верный спутник, стоял спокойно, словно понимая важность момента.

Девушка вернулась к Уильяму и снова склонилась над ним. Его дыхание стало чуть ровнее, но бледность не исчезла. Элис решила дать ему еще немного отвара, чтобы поддержать силы, осторожно приподнимая его голову, влила несколько капель в рот.

«Держись, highlander (горец)», — снова прошептала она, на этот раз на своем родном языке. Она чувствовала, как в ней пробуждается древняя сила, сила ее предков, готовая помочь этому незнакомцу, которого она спасла из трясины. Она знала, что впереди еще долгий путь, но она была готова пройти его, чтобы юноша выжил.

Солнце уже поднялось над горизонтом, окрашивая небо в нежные розовые и золотистые тона. Туман, как по волшебству, начал таять, открывая взору живописные, но дикие пейзажи Шотландии. Элис окинула взглядом окрестности. Теперь, когда рассвело, она могла лучше оценить обстановку. Вдалеке виднелись очертания гор, а ближе — густой лес, полный тайн и опасностей.

Она снова обратила внимание на Уильяма. Его рана выглядела лучше, но он все еще был слаб. Элис решила, что пора действовать. Она не могла позволить ему оставаться здесь слишком долго. Нужно было перевезти его в более безопасное место, где он мог бы полностью восстановиться.

Элис срубила ветви, сплела носилки: крепкий каркас из прутьев, обтянутый её плащом и веревками. Привязала к седлу коня — сбоку, как волокушу. Осторожно перетащила Уильяма на импровизированные санки.

«Пора в дорогу, highlander (горец)», — прошептала она, слегка погладив его по щеке. Уильям слабо застонал.

Конь тронулся осторожно, волоча ношу по тропе.

Глава 7. Под дождем и туманом

Внезапный ливень обрушился на лес, начавшись с редких, нервных капель и перейдя в сплошную, холодную стену воды. Дождь смывал пыль с листьев, стирал следы с тропы и, что важнее всего, скрывал их от преследователей. Для Элис это было спасением. Она понимала: раненый Уильям не выдержит долгого пути, а если дождь не скроет их следы окончательно, их могут заметить.

«Стой», — тихо прошептала она коню, и тот послушно замедлил шаг.

Элис огляделась. Впереди, у кромки деревьев, виднелось место, где корни старого дуба образовывали естественный, укрытый уголок. Девушка спешила, сняла с плеч тяжелый плащ и ловко натянула его между двумя ветвями. Закрепив ремешками и веревкой, она соорудила скромный, но надежный навес. Дождь барабанил по ткани, но под укрытием стало сухо и тише. Она осторожно перетащила туда носилки с Уильямом. Молодой лэрд всё так же был без сознания. Его лицо казалось бледным, почти прозрачным, мокрые волосы прилипли ко лбу и вискам, а дыхание оставалось слабым и неровным. Элис опустилась рядом с ним на колени и на мгновение задержала взгляд на его лице.

Он был красив той сдержанной, суровой красотой, которая не бросается в глаза сразу, но остается в памяти. И сейчас, когда он лежал беспомощный, уязвимый, почти мальчишески беззащитный, в груди Элис что-то тихо дрогнуло. Ей хотелось убедить себя, что это всего лишь жалость к раненому. Но пальцы сами потянулись к его волосам, осторожно убирая мокрую прядь с лица.

Уильям едва заметно шевельнулся и тихо застонал.

Элис быстро взялась за дело. Под навесом, защищенным от дождя, она развела небольшой костер, используя сухие ветви, которые бережно сохранила в кожаном мешке. Пламя сначала капризно дрогнуло, но затем разгорелось ровнее, осветив круг навеса мягким золотым светом. Девушка достала из сумки бутылочку с отваром трав, сваренным у болота.

Налив немного в деревянную ложку, она осторожно приподняла его голову.

«Пей, highlander (горец)», — нежно прошептала она.

Его губы дрогнули, но несколько капель всё же скользнули в рот. Элис задержала руку у его щеки чуть дольше, чем следовало. Кожа была горячей, но не болезненно пылающей, а скорее лихорадочно живой. И она вдруг поймала себя на том, что не спешит убирать ладонь.

Сколько бы она ни повторяла себе, что он для нее всего лишь раненый, которого нужно спасти, в его лице было что-то, что не давало ей оставаться равнодушной. Может быть, это была его сила, скрытая даже в беспомощности. Может быть, то спокойствие, которое чувствовалось в его чертах, несмотря на боль.

Элис опустила взгляд и тихо усмехнулась самой себе, хотя улыбка вышла совсем слабой.

«Ну вот», — прошептала она, как будто разговаривая не с ним, а с собственной судьбой. — «И что же мне теперь с тобой делать?»

Дождь, начавшийся еще днем, не утихал и к утру следующего дня, сменился лишь холодной, мокрой изморосью. Элис решила продолжить путь к замку. Собрав импровизированный навес, прикрепив волокуши к верному коню и взобравшись в седло, девушка дала команду: «Вперед, родной! Только осторожно!» Тропа, по которой они двигались, превратилась в раскисшее месиво. Самодельные волокуши, привязанные к седлу, подпрыгивали на каждой кочке, каждой яме, отдавая Уильяму новой вспышкой боли.

Элис то и дело оглядывалась назад. Носилки подпрыгивали на корнях, скользили по грязи, цеплялись за камни и вылетали из колеи, когда конь оступался на мокрой тропе. Девушка сжимала поводья так крепко, что пальцы белели, и всякий раз, когда волокушу подбрасывало особенно резко, сердце у нее болезненно сжималось.

«Держись, highlander (горец)», — шептала она, наклоняясь в седле и тревожно глядя на его бледное лицо. — «Только держись».

Уильям не приходил в сознание. Иногда его губы слабо шевелились, будто он пытался что-то сказать, но вместо слов срывался лишь тихий стон. Элис чувствовала, как нарастает тревога. Она не знала, сколько еще сможет продержаться ее конь, и как долго они смогут оставаться незамеченными в этом ненастье. Но мысль о том, чтобы оставить его здесь, была невыносима. Она была ответственна за его жизнь, и эта ответственность давала ей силы двигаться дальше, несмотря на усталость и холод.

Уильям оставался в плену бессознания. Его губы лишь изредка трепетали, пытаясь вымолвить что-то, но из них вырывался лишь тихий, мучительный стон. Лицо его приобрело мертвенную бледность, почти восковую, а под туго наложенной повязкой проступали зловещие тёмные пятна крови. Каждый раз, когда Элис замечала малейшее изменение в его дыхании — то ли оно становилось прерывистым и частым, то ли замирало почти совсем — её сердце сжималось от страха. Казалось, ещё несколько ударов, ещё несколько толчков этой проклятой дороги, и его израненное тело просто рассыплется.

Она позволяла себе лишь короткие остановки, чтобы лишь на миг приподнять его голову, поправить импровизированную подушку из травы, или влить в его пересохшие губы несколько драгоценных капель отвара. А затем снова заставляла коня идти вперёд. Лес таил в себе слишком много опасностей, а замок, их единственное спасение, всё ещё маячил где-то в недостижимой дали.

К полудню дорога превратилась в настоящее испытание. Глубокие лужи, как раны на теле земли, растеклись по всей тропе, а грязь, липкая и вязкая, облепила всё: сапоги, копыта коня, ткань её одежды. Казалось, сам лес, этот древний и мрачный страж, не желал выпускать их из своих объятий. Элис, измазав руки по самые локти, помогала тащить волокуши, когда конь застревал на особенно вязких участках. Не раз ей приходилось спрыгивать с седла и самой, ухватившись за ремни, тянуть эти импровизированные носилки, когда животное не могло справиться с топью. В такие моменты она видела, как искажается лицо Уильяма во сне, как напрягается его челюсть, и снова охватывал её леденящий страх, что этот путь станет для него последним.

Но он держался. И она — тоже.

Порой Элис ловила себя на том, что её взгляд задерживается на его лице дольше, чем того требовала ситуация. Даже в этом измученном, бледном и окровавленном облике, он казался ей удивительно близким. В нём таилось что-то негибкое, какая-то первобытная сила, точно сама жизнь отчаянно цеплялась за него, отказываясь сдаваться. И это упрямое сопротивление Уильяма придавало ей сил идти дальше, не позволяя себе ни единого проявления слабости.

К вечеру, когда тяжёлые тучи наконец начали рассеиваться, открывая прорехи в сером небе, впереди, на вершине холма, показались очертания замка. Его серые, изъеденные временем стены, полуразрушенные и мрачные, подобно тому, как призрак прошлого, возвышались над окрестностями.

Глава 8. Ночь на грани

Полуразрушенное строение, некогда гордое и величественное, теперь стояло на возвышении, как старый раненый зверь, который держится на ногах лишь из упрямства. На потемневшем от времени камне ещё угадывались следы бывшего величия, а над главным входом высеченный герб Стюартов — серебряный олень в прыжке под герцогской короной — казался почти живым в тусклом вечернем свете.

Раньше этот двор был совсем иным. Здесь тянулись ровные аллеи, по сторонам которых росли подстриженные кусты, стояли каменные статуи древних воинов и богинь, а в центре журчал бассейн с фонтаном. Теперь от прежнего сада остались лишь обломки каменных ваз, редкие кусты, ползучий мох и жёсткая трава. Ветер гулял по пустым дорожкам, но в этом запустении всё же ощущалось дыхание былого благородства.

Конь Элис, измученный дорогой, тяжело ступал по влажным камням двора. Джон Росс, старый конюх, первым подбежал помочь. Его широкие ладони осторожно взяли за поводья, а добрые, выцветшие глаза сразу заметили, насколько изнурёнными были и конь, и его ноша.

— Аккуратно, девочка, — пробормотал он.

Элис молча сжала губы и кивнула. Джон помог отвязать волокуши с раненым и взяв на руки юношу, вошел в замок. Следом вошла и Элис.

Внутри замка было прохладно, пахло дымом, старым камнем и сушёными травами. Несмотря на бедность и запустение, жилые комнаты содержались с любовью и заботой. В главном зале горел небольшой камин; над ним висел потемневший от времени герб Стюартов. На столах стояла простая посуда, на полках — глиняные кувшины, связки трав, деревянные миски и несколько старых свечей. На стенах ещё сохранялись остатки гобеленов — когда-то богатых, теперь выцветших и местами прожжённых временем. Всё здесь говорило о том, что когда-то дом был полон жизни, праздников и достатка, но теперь его держали не деньги, а память и благородство.

У входа их встретила Мораг Смит — старая няня, маленькая и сухонькая, в сером шерстяном сарафане с фартуком и платком на голове. Её светло-карие, острые и пронизательные глаза сразу заметили по лицу Элис, что случилось что-то серьёзное. Мораг быстро окинула взглядом неподвижное тело Уильяма.

— Пресвятая Мать... — тихо произнесла она. — Что случилось с этим юношей?

— Ему плохо, — ответила Элис, стараясь говорить твёрдо. — Очень плохо. Нужна горячая вода, чистая ткань и огонь в комнате.

Не задавая лишних вопросов, Мораг бросилась собирать всё необходимое. Джон и Элис перенесли Уильяма в небольшую жилую комнату, где было теплее, чем в других помещениях. Там стояла деревянная кровать с плотным одеялом, маленький столик, таз с водой и сундук у стены. Комната была простой, но ухоженной: на подоконнике стояли сушёные травы, а у камина лежала связка дров. Здесь пахло лавандой, полынью и дымом. Элис и Мораг вместе сняли с Уильяма грязную одежду. Под ней тело молодого лэрда казалось юным, но уже крепким, сильным не смотря на раны. Джон, вернувшись после того, как отвел коня в стойло, принес чистую воду и несколько сухих полотенец. Он молчал, только иногда хмурил седые брови, глядя на раненого.

— Рана плохая, — сказал он наконец.

— Грязная, — тихо ответила Элис. — Болото и дорога сделали своё дело. Если в ней начнётся загноение, он может не пережить ночь.

Мораг перекрестилась.

— Тогда не будем терять времени, — решительно произнесла она, её взгляд стал ещё более сосредоточенным. — Детка, ты знаешь, как обрабатывать раны. Приступай, а я помогу.

Элис кивнула.

Мораг быстро принесла из кухни котелок с горячей водой, который она успела поставить на огонь, и несколько чистых тряпок. Она ловко, несмотря на возраст, помогала Элис, её движения были точными и уверенными.

— Нужно промыть рану как можно тщательнее, — наставляла Мораг, её голос звучал спокойно, но в нём чувствовалась стальная решимость. — И потом приложить что-нибудь, чтобы остановить кровь и предотвратить инфекцию. У нас есть отвар из трав, который может помочь.

Элис осторожно, стараясь не причинить Уильяму лишней боли, начала промывать рану. Он стонал, его лицо было бледным, а губы сжаты от боли. В его глазах, когда они на мгновение открывались, читалась слабость и отчаяние.

— Держись, горец, — шептала Элис, её голос дрожал от напряжения. — Ты должен держаться.

Джон, стоявший у двери, молча наблюдал за ними, его лицо было мрачным. Он понимал всю серьёзность ситуации. В таком состоянии, с такой раной, ночь могла стать для незнакомого юноши последней.

Мораг принесла небольшой мешочек с сушёными травами и начала готовить отвар. Запах трав наполнил комнату, смешиваясь с запахом дыма и камня.

— Это полынь и тысячелистник, — пояснила она, помешивая зелье. — Они обладают сильными антисептическими свойствами.

Элис продолжала обрабатывать рану, её руки были ловкими и точными. Она чувствовала, как под её пальцами кожа Уильяма была горячей, а пульс — слабым.

— Нужно снять температуру, — проговорила она, обеспокоенно глядя на лоб Уильяма.

— Я принесу холодной воды, — предложил Джон, и, не дожидаясь ответа, вышел из комнаты.

Ночь обещала быть долгой и напряжённой. На грани жизни и смерти, на грани надежды и отчаяния. И в этом старом, полуразрушенном замке, где время, казалось, остановилось, три человека боролись за жизнь ещё одного, чья судьба теперь зависела от их усилий и от той самой ночи.

Состояние Уильяма ухудшалось. Его лицо то заливалось краской, то снова бледнело, а тело горело так, словно внутри разгорался неугасимый огонь. Он метался по постели, бормоча что-то бессвязное, то судорожно вцепляясь в простыню, то зовя кого-то в бреду. Элис не отходила от его кровати, а Мораг, сменяя друг друга, прикладывала к его лбу холодные полотенца.

— Он весь в жару, — мрачно констатировала няня. — Если к утру жар не спадёт, бедняга может не выкарабкаться.

Элис сжалась от этих слов.

— Не говори так.

— Я говорю, как есть, дитя. Но ты делаешь всё, что можешь.

Этого было недостаточно. Элис чувствовала, как подступает страх — липкий и тяжёлый. Она не могла допустить, чтобы он умер у неё на глазах. Не после того, как она вытащила его из болота, не после всех приложенных усилий, не после того странного, едва уловимого чувства, которое уже успело коснуться её сердца.

Когда в комнате сгустились сумерки, и лишь огонь в камине отбрасывал мягкий, дрожащий свет, Элис вышла в большой зал, где её уже ждал отец. Лэрд Лаин Стюарт, высокий, седовласый и сухоплечий, сидел в кресле у камина, укрытый тёплым пледом. Старое ранение, полученное когда-то от кабана, не позволяло ему хорошо ходить, поэтому большую часть времени он проводил либо в своей комнате, либо в этом кресле, где боль была чуть менее невыносимой. Лицо его было бледным и усталым, но глаза, по-прежнему внимательные и ясные, мгновенно уловили тревогу дочери.

— Ты вернулась очень поздно, — сказал он, когда Элис вошла. — Что случилось?

Она подошла ближе, опустилась на край стула и рассказала всё: о дороге, о болоте, о юноше, которого вытащила из трясины и привезла в столь тяжёлом состоянии. Отец слушал молча, не перебивая, лишь пальцы его крепче сжимали подлокотник кресла.

Когда она закончила, в комнате повисла тишина.

— Ты подвергла себя опасности, — произнёс он наконец, и в его голосе было больше страха, чем упрёка. — Одна, на дороге, где могли быть разбойники. Ты понимаешь, что могло с тобой случиться?

Элис опустила глаза.

— Понимаю. Но я не могла оставить его там.

Он долго смотрел на неё, потом тяжело вздохнул.

— Ты поступила смело. И, боюсь, слишком смело. Но я не могу не гордиться тобой.

Он помолчал и добавил:

— Кто он?

— Пока не знаю, — тихо ответила Элис. — Но он не похож на простого путника. В нём есть что-то... благородное.

Отец Элис нахмурился.

— Значит, узнаем позже, когда он придёт в себя.

— Если придёт, — почти шёпотом сказала девушка.

Лэрд посмотрел на неё пристально.

— Всё в руках Бога, — ответил он.

— Я не стану тебя осуждать, — добавил Лаин мягче. — Но будь осторожна, дочь моя. Этот мир теперь опаснее, чем когда-либо. Время мятежей и крови не щадит никого.

Он положил ладонь ей на плечо — тяжёлую, тёплую и успокаивающую.

— И всё же ты поступила правильно. Если юноша выживет, значит, Господь сохранил его не зря.

Элис кивнула, хотя мысли её уже снова были там, в комнате, где на постели в бреду метался Уильям. Она вернулась к нему, чувствуя, как нарастает её собственное беспокойство. Ночь обещала быть долгой, и надежда на выздоровление юноши казалась такой хрупкой, как тонкий лёд на поверхности замерзшего озера. Она снова взяла влажное полотенце и приложила его к горячему лбу, вглядываясь в его лицо, пытаясь разглядеть хоть малейший признак улучшения. В тишине комнаты слышалось лишь тяжёлое дыхание юноши и треск огня в камине, который, казалось, отбрасывал тени, похожие на предвестников беды. Элис знала, что ей придётся бороться за его жизнь, как она боролась за него на болоте, и эта мысль, несмотря на страх, придавала ей сил.

В маленькой комнате, где лежал раненый юноша, тревога сгущалась с каждой минутой. Его тело горело, как в огне, а бред, вырывающийся из пересохших губ, становился всё слабее. Мораг уже не раз качала головой, и в её взгляде читалась безысходность.

— Если к утру жар не спадёт... — прошептала она, — Боюсь, мы его потеряем.

Элис опустилась на колени рядом с ним, взяла его руку. Пальцы были горячими, слабыми, дрожали под её прикосновением. Она осторожно провела ладонью по его лбу, смахнула капли пота, стекающим по вискам.

— Держись, — прошептала она, сжимая его пальцы. — Только держись.

За окном ветер гонял по двору сухую траву, а в камине потрескивали дрова, не в силах согреть эту тревожную ночь.

Элис решила сходить в часовню, стоявшую на краю замкового двора. Оставив Уильяма под присмотром Мораг, она вышла в темноту.

Часовня была скромной — маленькое каменное строение с простым убранством, но забота семьи поддерживала её в порядке, несмотря на все лишения. Здесь всегда царила тишина, и даже ветер, заглядывавший в узкие окна, шептал тихо, почти нежно.

Элис опустилась на колени перед потемневшим от времени алтарём.

— Господи, — прошептала она, и голос дрогнул. — Если Ты слышишь меня... сохрани его. Он не должен умереть. Я прошу не за себя.

Свеча дрогнула, пламя вытянулось тонкой струйкой. Элис закрыла глаза, и молитва, рвущаяся из глубины души, больше не была словами — это было отчаяние, которое не давало ей дышать.

Ей казалось, что, если она хоть на миг перестанет просить, Уильям умрёт.

Глава 9. Кровь на болоте

Закат окрашивал небо в багровые тона, будто само солнце истекало кровью. Из лесной чащи, как призраки, вынырнули пятнадцать воинов Маккензи, закованных в кольчуги и кожаные куртки. Их предводитель, управляющий Финлей, первым спрыгнул с коня. Он опирался на свою верную трость, которая казалась продолжением его воли. Воздух был пропитан запахом хвои, влажной земли и едва уловимой тревогой, предвещающей беду.

Следопыт Доннах, жилистый ирландец с характерной бородавкой на носу, уже ползал на четвереньках. Его острый взгляд впивался в землю, выискивая малейшие следы, подобно хищнику, отслеживающему добычу. Рядом с ним возвышался Торк, гигант с секирой. Его борода была заплетена в тугие косы, точно корни древнего дерева, готового обрушиться на врага. Молодой Малькольм-младший, сын кузнеца, с двухстволкой, перекинутой через плечо, нервно переминался с ноги на ногу. Его юное лицо было напряжено до предела. Иан, ловкач с кинжалом, чье лицо пересекал грубый шрам — след давней битвы — внимательно осматривал окрестности. Его глаза были холодны и настороженны.

«Дюжина пар ног, и все ведут в ту сторону!» — Доннах сплюнул, его голос был хриплым от напряжения, будто камень, скользящий по склону.

Финлей кивнул, его лицо было непроницаемо. «Спешиться. За мной — тихо!» Отряд оставил коней на попечение погонщика, чье лицо было бледным от страха, и двинулся гуськом. Каждый шаг был выверен, оружие держалось наготове, готовое к бою.

Но едва они углубились в лес, небо стало стремительно темнеть. Сначала подул резкий, ледяной ветер. Затем с низких туч, почти касаясь верхушек деревьев, хлынул дождь — тяжелый, злой, безжалостный. Он бил по листьям, по лицам, по плечам воинов, мгновенно превращая тропу в грязное месиво. Доннах выругался сквозь зубы: все следы начали расплываться, тонуть в потоках воды, будто сама земля решила спрятать истину.

— Чёрт бы побрал этот ливень... — буркнул Торк. — Он смыл бы и самого дьявола.

Финлей ничего не ответил, только сжал трость крепче. Где-то вдалеке громыхнуло, и лес, кажется, съежился от этого звука.

Тем временем, в глубине леса, в разбойничьем стане царила пьяная, мерзкая радость. Костер трещал, бросая красные отблески на грязные лица оборванцев. Гарри Кривой Нос, их главарь, жадно рвал зубами кусок оленины. Его люди, запачканные кровью и грязью, хохотали и спорили, не замечая, как над ними нависает ночь и начался ливень.

К нему, пошатываясь, подполз сторож — тот самый, что стрелял в Уильяма. Он был пьян, перемазан грязью и дрожал так, будто уже видел собственную смерть.

— Главарь... лэрд ушел... — прохрипел он. — Но я его зацепил. У болота. Он в тине увяз, я стрелял в бедро. Я видел... видел, как его затягивает...

Гарри замер, потом ухмылка медленно расплзлась по его перекошенному лицу.

— Значит, трясины взяла его сама, — прошипел он. — Тем лучше. Папаша все равно заплатит, даже если сын уже сгинул в болоте, не зная об этом.

Он захохотал, мерзко и громко, будто заранее праздновал чужую гибель. Но смех оборвался, когда из темноты, как сама кара, вырвался отряд Маккензи.

Доннах свистнул — коротко, резко, как хищная птица. Торк первым ворвался в лагерь и одним страшным ударом секиры снес голову часовому. Малькольм-младший, дрожа от ярости, выстрелил из двухстволки почти в упор, и двое разбойников рухнули в грязь. Иан скользнул между спящими, чисто нож в темной воде, и его клинок беззвучно разрезал чью-то глотку. Финлей стоял в центре этой бойни, собранный и страшный, как приговор.

— Живым одного! — крикнул он. — Мне нужен их главарь!

Бой длился недолго, но был ужасен. Крики, кровь, хрип, ливень и треск костра смешались в один дикий, безумный шум. Через несколько минут вокруг догорающего огня лежали изуродованные тела разбойников. Гарри Кривой Нос, раненый, но еще живой, пытался отползти в сторону, но его путь преградил Торк. Гигант схватил главаря за шкуру, подняв его над землей, словно бы тряпичную куклу.

— Ты будешь говорить, — прорычал Торк, его голос был подобен грому. — Где Уильям?

Гарри лишь презрительно сплюнул. Финлей подошел ближе, его глаза сверкали в полумраке.

— Ты думал, что сможешь спрятаться в этой грязи, — произнес он спокойно, но в его голосе звучала сталь. — Но мы нашли тебя. И теперь ты ответишь за все.

Торк схватил его за ворот и грубо встряхнул:

— Где лэрд? Говори!

— Болото... он там... — задыхаясь, выдавил Гарри. — В него стреляли... он ушел... или утонул... не знаю... трясина поглотила его... это видел один из моих...

— Видел или надеялся, что лэрд сгинул? — холодно парировал Финлей.

— Я... я не знаю...

Но Торк уже поднял секиру.

— Сволочь.

Одним ударом он отрубил Гарри голову.

Когда рассвело, отряд стоял на краю болота. Ночной ливень превратил землю в гладкую, размокшую глину, безжалостно стершую любые следы. Ни намек на путь, по которому могли пройти люди. Лишь мертвый туман стелился над водой, а черная трясина дышала тяжело и глухо, словно живое чудовище.

На самом краю, среди грязи и мха, виднелся кусок килта Уильяма, на нем были бурокрасные, похожие на запекшуюся кровь пятна. Рядом торчала сломанная ветка, а дальше — ничего. Ни следов борьбы, ни отпечатков сапог, ни дороги назад. Дождь смыл все, что могло бы дать надежду.

Доннах опустился на колени, коснулся ткани пальцами и медленно поднял голову.

— Это его, — тихо произнес он. — Пятна похожи на кровь... но больше я ничего не вижу. Трясина и дождь скрыли все остальное.

Торк отвернулся, будто не в силах смотреть на находку.

— Уильям не выбрался, — глухо произнес он. — Молодой лэрд погиб здесь.

Финлей долго молчал. Сжав трость, затем хрипло проговорил:

— Домой. Скажем милорду все как есть. Разбойники мертвы... а Уильяма больше нет.

Отряд медленно отправился в обратный путь. Никто не произнес ни слова. Даже собаки, шедшие рядом всю ночь, теперь жалобно скулили и жались к ногам людей, будто тоже чувствовали, что на болоте осталось нечто страшное и неотвратимое.

Глава 10. Гнев лэрда

Поместье Маккензи встретило своих вернувшихся людей гнетущей тишиной. Над серыми стенами поднимался дым из труб, но в нем не было ни тепла, ни уюта — лишь тяжелый запах жареного мяса, сырой шерсти и догорающего торфа. Широкий двор, вымощенный неровными булыжниками, казался тесным и угрюмым после долгой дороги. Высокий дом-дворец, некогда построенный для славы и достатка, теперь больше напоминал крепость, чем родовое гнездо. Его стены были массивны, окна — узки, башни — суровы, а резные украшения фасада потускнели от времени и непогоды.

Отряд въехал во двор молча. Лошади были покрыты грязью до самых боков, сапоги воинов полностью покрыты грязью и илом с болота, лица потемнели от усталости и ночного ветра. Финлей спешил первым и на мгновение задержал взгляд на ступенях дома. Он уже знал, что сейчас начнется самое тяжелое.

Услышав прибытие отряда, в дверях дома появился Мелколм Маккензи.

Он вывалился наружу — тяжелая, расплывшаяся фигура, будто бурдюк, налитый вином и яростью. Его жирное, краснолицее лицо лоснилось, двойной подбородок нависал над шеей, а редкие седеющие волосы едва удерживались под париком, который съезжал на лоб почти при каждом резком движении. Маленькие, бегающие глаза были налиты кровью, шрам через бровь — память о пьяной дуэли — придавал его взгляду еще более хищное выражение. Золотая цепь на шее тяжело блестела в сером свете, толстые пальцы, униженные кольцами, нервно сжимали кубок с вином в одной руке, другой же опираясь на трость. От него несло хмельным так сильно, что даже стоявшие ближе слуги невольно отворачивались.

«Ну?!» — рывкнул он, едва увидев людей. — «Где мой сын?»

Никто не ответил сразу. Тишина стала такой густой, что, казалось, ее можно было потрогать руками.

Финлей сделал шаг вперед и склонил голову.

«Милорд... мы нашли лагерь разбойников. Они все мертвы, как Вы и приказывали».

Мелколм моргнул. На миг его лицо застыло, будто он не понял сказанного. Потом резко выпрямился, и в глазах его вспыхнуло что-то опасное.

«Мертвы?..» — повторил он, а затем вдруг заговорил громче, срываясь на крик. — «Мне плевать на разбойников! Где Уильям?!»

Финлей не опустил взгляда.

«У края болота мы нашли обрывки его одежды. Следы были смыты дождем. По всему видно, что молодой лэрд, вероятно, погиб в трясине».

На миг Мелколм замер, будто воздух выбили из его огромной груди. Потом его лицо исказилось, налилось еще более густой багровостью, и он взревел так, что лошади в стойлах испуганно заржали.

«Погиб?! Погиб?!» — Он шагнул вперед, едва не споткнувшись о край ступени. — «Ты смеешь мне это говорить?! Мой сын?! Мой единственный сын?!»

С яростью, не знающей границ, Мелколм швырнул кубок в каменную стену. Алые брызги вина расцвели на грубом камне, а сам кубок со звоном отскочил в сторону. Не остановившись, он с неожиданной для своей массивной фигуры силой обрушил трость на деревянную скамью. Раздался треск, скамья треснула от ярости лэрда. Один из слуг, поспешивший подобрать упавший кубок, получил удар по плечу и отшатнулся, едва не рухнув в грязь.

«Сволочи!» — Мелколм кричал, уже не разбирая слов, его голос срывался. — «Негодяи! Все до единого! Вы должны были вернуть мне сына! Вы клялись вернуть его живым!»

Он метался по двору, размахивая руками, как раненый зверь. Парик съехал набок, обнажая редкие седеющие пряди. Он пнул ногой деревянный ящик, тот перевернулся, и из него посыпались яблоки, раскатившись по мокрым булыжникам.

«Финлей!» — взревел он. — «Я приказывал тебе! Пятнадцать мечей, десять мушкетов, лучшие псы! Ты должен был привести мне сына, а не приходить сюда с этой мерзкой новостью!»

Финлей стоял неподвижно, его лицо стало жестким. «Мы сделали всё, что могли, милорд».

«Недостаточно!» — прогремел Мелколм. — «Вы все сделали недостаточно!»

Он развернулся и с силой ударил тростью по дверному косяку. Старое дерево глухо треснуло. В дверях показались испуганные служанки, но тут же отпрянули, опасаясь попасть под горячую руку. Кучер Дугалд, сопровождавший юного лэрда и сообщивший о похищении, заметив, как багровеет лицо Мелколма, попытался незаметно отступить к сараю. Но лэрд уже заметил его.

«Ты!» — рывкнул Мелколм, указывая тростью. — «Где ты был, когда моего сына схватили? Почему не бился за него до последнего?»

«Милорд, я...» — заикаясь, начал кучер.

Ответа он не получил. Мелколм в ярости шагнул к нему и с размаху ударил по лицу. Кучер рухнул в грязь, прикрыв голову руками.

«Ничтожество!» — выкрикнул лэрд. — «Если бы не твоя трусость, мой сын был бы дома!»

Финлей стиснул челюсти, но промолчал. Он знал: сейчас любое слово может лишь разжечь эту бурю сильнее.

Мелколм снова обернулся к отряду. Теперь его голос стал ниже, страшнее. В нем уже не было только крика — в нем рождалось что-то холодное, жестокое, мстительное.

«Слушайте меня все», — медленно произнес он. — «Финлей. Немедленно собери всех, кто способен держать оружие. Пошли людей к дорогам, к тракту, к деревням. Пусть ищут свидетелей, пусть ищут тех, кто может дать какую-либо информацию. За любую весть об Уильяме — серебро. Я не хочу тишины. Я хочу видеть моего сына здесь!».

Слуги застыли. Даже лошади во дворе будто перестали шевелиться. Лишь ветер трепал вымпел с оленем на самой высокой башне.

Мелколм повернулся к дому и медленно поднялся по ступеням. На миг он остановился у порога, тяжело опираясь на трость, и посмотрел назад — не на людей, а куда-то в сторону, будто уже видел перед собой не двор, а место будущей мести.

«Мой сын не может умереть вот так», — сказал он глухо. — «Не может».

Но в этих словах не было надежды. Только ярость и пустота.

Он вошёл в дом, и за ним тут же захлопнулись тяжёлые двери.

Во дворе ещё долго стояло молчание, сырость и чувство, будто над поместьем опустилась тень куда более страшная, чем смерть одного юного лэрда. Потому что вместе с Уильямом, казалось, исчезло и последнее, что ещё сдерживало Мелколма Маккензи от настоящего безумия.

Финлей, сжав кулаки, смотрел на закрытые двери. Он знал, что теперь начинается самая темная глава в истории Маккензи. Ярость лэрда, подстегнутая потерей сына, грозила поглотить всё на своем пути. Он повернулся к отряду и слугам, его взгляд был полон решимости, но и глубокой печали.

«Вы слышали приказ», — произнес он, его голос был тверд, но в нем звучала усталость. — «Собирайтесь. Каждый, кто может держать оружие. Мы должны найти его. Мы должны отомстить».

Люди, словно пробудившись от оцепенения, начали суетливо переговариваться, но в их глазах читался страх. Страх перед гневом лэрда, страх перед неизвестностью, и, возможно, страх перед тем, что они сами могут стать жертвами этой надвигающейся бури.

Один из молодых оруженосцев, бледный и дрожащий, подошел к Финлею. «Но, сэр... если говорят, что Уильям погиб на болоте... кто может еще что-то знать? И кто мог что-то видеть?»

Финлей посмотрел на него, его взгляд был пронзительным. «Это мы и выясним. Каждый, кто хоть что-то знает, будет найден и опрошен».

Он отвернулся, направляясь к оружейной. В его душе боролись долг и отвращение к тому, во что превращался его господин. Но долг перед родом и перед памятью о юном Уильяме был сильнее. Он знал, что впереди их ждет долгий путь. Путь, который мог привести их к гибели, от руки лэрда, который ждет от них хороших новостей.

Ветер усилился, завывая в трубах замка, словно предвещая грядущие беды. Тень, о которой говорилось ранее, казалось, сгустилась над поместьем, окутывая его мраком и предчувствием неотвратимой расплаты.

Глава 11. Следы на ветру

С первыми лучами солнца поместье Маккензи наполнилось суетливым гулом. Во дворе, будто бы муравьи, сновали вооруженные люди, конюхи седлали лошадей, а оружейник деловито раскладывал мечи и мушкеты. У массивных ворот уже грузились телеги, наполненные всем необходимым для долгого похода: мешками с сухарями, копченым мясом, овсом и флягами с водой. Ночь, полная ярости и отчаяния, не принесла Мелколму покоя. Напротив, казалось, что в его душе произошел перелом, и теперь вся его неукротимая воля, подобно бушующему ветру, была направлена лишь на одно — найти сына.

Сам лэрд появился во дворе не сразу. Его богатая одежда, темный камзол и плотный плащ, сидели на нем с небрежной роскошью, подчеркивая его внушительную фигуру. Сапоги из дорогой кожи были слегка потертые, словно отражая долгий и трудный путь, который ему предстояло пройти. Он стоял посреди двора, широко расставив ноги, и казалось, что его присутствие заполняет собой все пространство. В руке, как всегда, покоилась трость — не признак слабости, а скорее привычный атрибут человека, привыкшего подкреплять каждое свое слово весомым жестом.

«Слушайте меня,» — прогремел его голос, и мгновенно стих весь шум. — «Мой сын должен быть найден. Живым. Если он мертв — я все равно хочу знать, где и как он погиб. Если он жив — я заплачу за его возвращение так, как еще не платили ни одному человеку в этих краях.» Мелколм медленно обвел взглядом собравшихся командиров, его тяжелый взгляд останавливался на каждом, точно пытаясь проникнуть в самую суть.

«Вы разделитесь на три отряда,» — объявил он, поднимая палец, отмечая первую точку на невидимой карте.

«Первый отряд, главный, снова идет к болоту. Вы осмотрите все от начала и до конца. Каждый куст, каждую кочку, каждую яму. Мне нужно знать, не пропустили ли вы чего-то прошлый раз. Осмотрите место, где нашли кровь и одежду. Может, остались следы борьбы. Может, есть тропа, которую не заметили в темноте. Может, поблизости есть укромное место, где мог бы спрятаться Уильям, уходя от преследователей. Командует отрядом Финлей.»

Финлей, усталый, но собранный, коротко склонил голову, не произнеся ни слова.

«Второй отряд,» — продолжил Мелколм, — «идет по ближайшим селениям. Не теряйте времени на пустые разговоры. Вам нужны глаза и уши людей. Расспрашивайте охотников, пастухов, лесорубов, женщин у колодцев, путников на дороге. Кто-то мог слышать крик. Кто-то мог видеть всадников. Кто-то мог заметить кровь, следы, чужих людей, огонь ночью. За любую правдивую весть — серебро.»

Он повернулся к двум командирам, вручая каждому по небольшому мешочку с монетами.

«Не жалейте денег,» — резко добавил лэрд. — «Но и не платите за пустую болтовню. Мне нужны сведения, а не байки.»

Третьему отряду он велел отправиться в ближайший городок Данфилд.

«Там есть лавки, рынок, постоянные дворы и люди, которые любят слушать чужие тайны за кружкой эля. И там найдется кто-то, кто умеет собирать слухи лучше любого шпиона.»

Мелколм стоял перед третьим командиром, его взгляд был холоден и решителен. «Вы идёте не просто спрашивать», — сказал он, не отводя глаз от плотного мужчины с рыжей бородой. — «Вы идёте получить информацию, пусть каждый знает: я заплачу за правду». Эти слова звучали как вызов и обещание одновременно.

Командир, не спеша, принял из рук Мелколма небольшой мешочек с серебром. Деньги были весомы, и это не осталось незамеченным. Но в его глазах мелькнула тень сомнения. «А

если кто-то не захочет говорить, милорд?» — спросил он осторожно, словно боясь услышать ответ.

Мелколм усмехнулся — коротко, но с оттенком злобы. «Тогда он пожалеет об этом», — ответил он твердо. — «Но сначала — деньги. Всегда сначала деньги». Эти слова были не просто приказом, а правилом, которым он руководствовался в своих делах.

Его голос звучал громко и уверенно, не оставляя места для возражений.

«Мне не нужны герои и не нужны хвастуны», — начал он, внимательно оглядывая собравшихся. — «Мне нужны глаза, уши и ноги. Вы будете покупать информацию, если потребуется. Вы выпьете, чтобы разговорить трактирщика. Вы постучите в каждую дверь, которая покажется вам полезной. И если кто-то скажет, что видел моего сына или что-то знает о нем, вы немедленно приведёте его ко мне».

Лэрд поднял руку, и над двором повисла напряженная тишина, нарушаемая лишь шелестом ветра в кронах деревьев и отдаленным ржанием лошадей. Каждый из присутствующих чувствовал на себе тяжесть его взгляда, словно он проникал в самые глубины их душ, выискивая там не только готовность к действию, но и искренность намерений.

«Тому, кто привезёт Уильяма живым», — продолжил Мелколм, и в его голосе прозвучала нотка надежды, смешанная с нетерпением, — «я дам землю. И дом. Не пустой надел, который придется осваивать с нуля, и не эфемерное обещание, которое может остаться лишь на бумаге, а настоящий, плодородный участок земли с полным правом владения. И крышу над головой, крепкую и надежную. Его семья будет поднята в статусе, их жизнь изменится к лучшему. Он не уйдёт отсюда простым человеком, каким пришёл. Пусть все это слышат, пусть каждый из вас запомнит это обещание».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.